

Васечко В.Ю. Доктор В.Ф. Чиж и психиатрическое направление в русской школе криминальной антропологии // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 159-179. https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_159

УДК 343.9.018:340.125

DOI 10.17506/26867206_2025_25_1_159

Доктор В.Ф. Чиж и психиатрическое направление в русской школе криминальной антропологии

Вячеслав Юрьевич Васечко

Институт государства и права РАН

г. Москва, Россия

E-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

*Поступила в редакцию 29.09.2024, поступила после рецензирования 20.02.2025,
принята к публикации 24.02.2025*

Целью статьи является осмысление научного и творческого наследия доктора психиатрии В.Ф. Чижа как одного из ярких представителей русской уголовно-антропологической школы конца XIX – начала XX столетий и одновременно оригинального мыслителя эпохи Серебряного века. В.Ф. Чиж оказался в числе тех своих современников, которые не только осознали концептуальный смысл новейших открытий в ряде естественных и точных дисциплин (антропология, психология, физиология, статистика и др.), но и пришли к выводу о неизбежности практической их реализации в тех сферах социальной жизни, которые ранее оставались вне какого бы то ни было научного рассмотрения. Для Чижа одной из таких сфер стал мир криминала, причины существования и характер эволюции которого призваны раскрыть новые комплексные научные дисциплины – криминальная антропология и судебная (юридическая) психопатология. В статье, помимо краткого очерка жизни и деятельности Чижа и изложения его взглядов на цели и задачи указанных дисциплин, во-первых, обозначены те ментальные и культурные стереотипы, которые стоят на пути формирования объективного научного знания о мире преступности, во-вторых, предпринята попытка экспликации тех концептов, принципов и методов, которые должны эффективно работать в данной предметной области. Особо подчеркнуто то, что хотя Чиж и разделял основные подходы западной криминологии (и прежде всего принципы учения Ч. Ломброзо), он относился к ней достаточно критически и неизменно настаивал на тщательной эмпирической верификации всякого умозрительного положения. Автор полагает, что возвращение идей и работ В.Ф. Чижа в современный социокультурный и политико-правовой дискурс имеет

© Васечко В.Ю., 2025

не только сугубо историографическую ценность, но и позволяет более адекватно понять те проблемы сегодняшнего дня, которые вызваны деятельностью криминальных элементов, раскрыть истоки этих проблем и определить оптимальные средства их решения.

Ключевые слова: В.Ф. Чиж; русская уголовно-антропологическая школа; криминальная антропология; судебная психопатология; ломброзианство; преступный тип

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидий из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Dr. Vladimir F. Chizh and the Psychiatric Approach in the Russian School of Criminal Anthropology

Vyacheslav Yu. Vasechko

Institute of State and Law, the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

E-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

Received 29.09.2024, revised 20.02.2025, accepted 24.02.2025

Abstract. The article aims to explore the scientific and creative legacy of Dr. Vladimir F. Chizh, a prominent figure in the Russian anthropological school of criminal law from the late 19th and early 20th centuries. Being an original thinker from the Silver Age, Dr. Chizh recognized the conceptual significance of recent discoveries in a number of natural and exact sciences, including anthropology, psychology, physiology, and statistics. In addition to that, he deemed the practical application of these discoveries essential in areas of social life that had previously been overlooked by scientific inquiry. For Dr. Chizh, one such area of interest was the world of crime, whose causes and evolving nature are illuminated by emerging interdisciplinary fields, such as criminal anthropology and forensic psychopathology. The article provides a brief overview of the life and work of Dr. Vladimir F. Chizh, along with his perspectives on the goals and objectives of criminology and related disciplines. It addresses two main areas: firstly, those mental and cultural stereotypes that hinder the development of scientific knowledge about crime; and secondly, an exploration of the concepts, principles and methods that could effectively contribute to this field. While Dr. Chizh acknowledged the fundamental approaches of Western criminology, particularly the principles of Cesare Lombroso, he maintained a critical stance and emphasized the necessity of thorough empirical verification for any speculative claims. The author argues that reintroducing Vladimir F. Chizh's ideas into contemporary socio-cultural and political-legal discourse holds significant historiographical value and enhances our understanding of current issues stemming from criminal activities, revealing their origins and identifying optimal solutions.

Keywords: Vladimir F. Chizh; Russian anthropological school of criminal law; criminal anthropology; forensic psychopathology; Lombrosianism; criminal type

Acknowledgements: The research was funded by a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, provided as subsidies from the federal budget for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No. 075-15-2024-639, dated July 12, 2024).

For citation: Vasechko V.Yu. Dr. Vladimir F. Chizh and the Psychiatric Approach in the Russian School of Criminal Anthropology, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 159-179. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_159

Введение

Русский Серебряный век, как известно, дал мировой культуре великое множество ярких имен и оригинальных идей. Многие из деятелей той поры по причине глубокого катаклизма, который пережила наша страна сотню лет назад, были надолго вычеркнуты из истории отечественной мысли, и только в последние десятилетия их имена и их работы стали возвращаться в поле академического дискурса. Одним из научных направлений, ставших жертвой официальных административных запретов советской поры, стала русская уголовно-антропологическая школа, родоначальником которой считается Д.А. Дриль (1846–1910)¹. Но среди тех, кто понял ценность естественных наук (антропологии, психологии, физиологии и др.) для объяснения причин преступности и борьбы с ней, были не только профессиональные юристы, подобно Дрилю. Не меньший вклад в осмысление и решение этих проблем принадлежит представителям врачебной науки и, в особенности, такого ее раздела, как психиатрия. В России такой фигурой, которую сопоставляют по масштабам с Чезаре Ломброзо и Зигмундом Фрейдом на Западе², стал доктор медицины *Владимир Федорович Чиж* (1855–1922(?)).

Будучи по должности ординарным профессором психиатрии, В.Ф. Чиж никогда не замыкался в рамках своей основной специальности, и потому неслучайно имя его фигурирует ныне в научной литературе в самых различных контекстах. Наряду с юбилейными статьями, принадлежащими соотечественникам Владимира Федоровича по цеху (напр.: Журавель 2011; Абрамова 2015), и работами, связанными с внутридисциплинарной проблематикой (Курносова 2011; Пятницкий 2023), ссылки на его труды можно встретить и у авторов, пишущих на иные темы. И это касается не только таких близких к психиатрии разделов психологии, как экспериментальная психология (Кольцова, Олейник 2017), психология гениальности (Холондович 2012; Бобылев 2017) или история психологии (Мазиллов 2019), но и, например, литературоведения (Белякова 2016: 78–192; Сироткина 2008: 30–42; Розин 2019)³,

¹ Роли Д.А. Дриля и значению его идей в становлении этой школы посвящена наша статья, см.: (Васечко 2024).

² См.: (Слабинский 2015).

³ Любопытно отметить, что некоторые авторы, не мудрствуя лукаво, дают своим текстам названия, дословно совпадающие с названиями работ Чижа, ср.: (Бобылев 2021) и (Чиж 2001с), (Бобылев 2022) и (Чиж 2001d), (Логинава 2021) и (Чиж 2001b).

религиоведения (Михельсон 2018: 158-160), истории и теории фольклора (Артемьева 2016) и даже философии (Демин 2012; Кравченко 1997: 59).

Не остался Чиж в стороне и от вопросов, связанных с криминологией и работой уголовно-исправительных учреждений, на что все чаще обращается внимание в последнее время. Отмечаются его заслуги в становлении российской и европейской криминальной антропологии (Чингаева 2016) и пенитенциарной психологии (Кушнир 2022: 18), в формировании научного концепта деструктивной личности (Борисов 2010: 85-87), в распространении в России евгенических теорий (Горячева 2020: 31-33), его влияние на развитие криминологического образования (Санксаев 2022: 144) и др. Однако серьезных работ, соответствующих масштабу личности нашего героя и размаху его научных интересов, особенно если мы рассматриваем их в криминологическом измерении, пока неизвестно.

В настоящей статье мы ставим целью не просто изложить взгляды В.Ф. Чижа как представителя медицинской ветви русской уголовно-антропологической школы (хотя уже и эта задача сама по себе достаточно значима), но и, во-первых, обозначить те ментальные и культурные стереотипы, которые, по его мнению, препятствуют формированию истинного научного знания о криминалитете и криминальных субъектах, и, во-вторых, эксплицировать те научные понятия, принципы и методы, которые, согласно В.Ф. Чижу, эффективно работают в сфере раскрытия причин и сущности преступности как социокультурного феномена.

Именно рассмотрение указанных вопросов, как нам представляется, позволит, пусть и вчерне, обрисовать, какое место занимают взгляды В.Ф. Чижа в том сложном комплексе интенций, теорий, ценностей и проектов, который получил название Серебряного века. А на этой основе более отчетливым и очевидным станет как то в этих взглядах, что несло на себе печать тогдашнего времени и осталось навсегда в прошлом, так и то, что имеет непреходящее значение и потому не теряет своей актуальности по сей день.

1. Профессор психиатрии Владимир Федорович Чиж: краткая биография, общая характеристика научной и профессиональной деятельности, библиография

Родился будущий психиатр и криминолог 9 июня 1855 г. в дворянской семье в Смоленской губернии, получив среднее образование в Полоцком кадетском корпусе. Заинтересовавшись медициной, Чиж по выпуске из корпуса поступил в Императорскую Медико-хирургическую академию в Петербурге, которую с отличием окончил в 1878 г. Получив направление на флот, молодой врач два года, до сентября 1880 г., служил ординатором психиатрического отделения Кронштадтского госпиталя. Вернувшись затем в свою альма-матер, ставшую с 1881 г. называться Императорской военно-медицинской академией, чтобы работать в клинике профессора И.П. Мержеевского, главы русской психиатрической школы, Чиж менее чем за три года написал докторскую диссертацию и успешно защитил ее 23 мая 1883 г., будучи всего неполных 28 лет от роду.

Подобно многим другим талантливым молодым ученым, Чиж был в 1884 г. командирован на стажировку в Европу, где на протяжении полутора лет продолжал образование под руководством виднейших специалистов – физиолога и психолога В. Вундта, невролога П. Флексига (Германия), психолога Ж. Дельбёфа (Бельгия), физиолога А. Вюльпиана, врача и невролога Ж.М. Шарко (Франция) и др. По возвращении на родину Чиж стал первым главным врачом вновь учрежденной больницы Св. Пантелеймона – крупнейшего в Петербурге заведения для призрения душевнобольных⁴ – и прослужил здесь шесть лет, до 1891 г.

В 1891 г. 36-летний ученый был приглашен в одно из старейших высших учебных заведений Российской империи – университет города Юрьева, основанный еще в 1632 г. шведским королем Густавом II Адольфом как Дерптский университет. Он возглавил основанную в 1880 г. кафедру психиатрии, которой до него руководили профессора из Германии. Здесь Чиж прослужил почти четверть века, до 1915 г., совмещая преподавательскую и научную деятельность с клинической практикой и заведя клинику душевных и нервных болезней. В 1904 г. он был избран также деканом медицинского факультета.

Во время революции 1905–1907 гг. Юрьевский университет оказался очагом студенческих волнений, по причине чего после поражения революции ректорат начал чистку неблагонадежных преподавателей, в числе которых едва не оказался и Чиж. Однако, прибегнув к поддержке общественного мнения и опубликовав документы и официальную переписку, наш профессор сумел отстоять свою честь и опровергнуть возведенные на него обвинения. Видимо, работать в этом университете Чижу нравилось, так как в 1910 г. он отказался перейти в Московский университет, куда получил приглашение от тамошней администрации.

После 1915 г. сведения о его жизни становятся неясными. В документах Юрьевского университета за 1915–1917 гг. сообщалось, что Чиж «находится на театре военных действий», но не уточнялось, в каком конкретно качестве – мобилизованного врача, командированного от университета преподавателя или добровольца. По некоторым устным рассказам, он в эти годы пребывал в Киеве как уполномоченный Красного Креста. Когда в 1918 г. преподавательский состав университета был эвакуирован из оккупированной немцами Эстонии в Воронеж, профессора Чиж в нем уже не значилось. Печатного некролога его так нигде и не появилось. Остались неизвестными ни точная дата, ни место его смерти. По разным источникам, год его смерти варьируется в интервале от 1914-го по 1924-й. Чаще всего здесь указывается 1922-й, а местом кончины – дом для престарелых литераторов в Киеве. Имя Чиж забылось в коммунистической России быстро и настолько прочно, что автор книги, вышедшей в позднесоветский период, уже причислял его к ученым XIX века (Круглянский 1979: 151)⁵.

⁴ Ныне в корпусах этой больницы располагается Городская психиатрическая больница № 3 им. И.И. Скворцова-Степанова.

⁵ Не все советские авторы были столь невежественны. В вышедшей примерно в то же время статье (Гуревич 1982) давался вполне объективный и подробный

Творческое наследие Владимира Федоровича чрезвычайно богато и разнопланово. За 35 лет (1880–1915)⁶ им было опубликовано около 200 печатных работ, включая ряд монографий, по различным вопросам психиатрии, невропатологии, криминальной антропологии и психологии. Помимо оригинальных текстов (монографий, брошюр, статей, очерков, лекционных курсов и др.), из-под его пера выходили различные обзоры, рецензии, корреспонденции. Часть его работ напечатана на немецком и французском языках, что сразу делало их известными серьезному европейскому читателю, который и по ним в том числе судил о российской науке и культуре. Чиж редактировал также переводы иностранных авторов, например, «Физиологическую психологию» немецкого профессора Теодора Цигена в 1893 г.

Публикация в 1884 г. в журнале «Русский вестник» работы «Достоевский как психопатолог» (спустя всего три года после смерти великого писателя) сделала молодого автора хорошо известным отечественной публике. Написанные легким и доступным массовому читателю языком, книги и статьи Чижа не только популяризировали новейшие достижения психологии («Гипноз и внушение» (1893), «Наслаждение и страдание» (1894), «Психология любви» (1897), «Психология женщины» (1898)), но и предлагали оригинальную интерпретацию жизни, творчества и мировоззрения известных писателей и мыслителей – О. Конта (1898), А.С. Пушкина (1899), Н.В. Гоголя (1903–1904), И.С. Тургенева (1899), Ф. Ницше (1908), Н.И. Пирогова (1909). Как для широкого читателя, так и для специалистов еще и сегодня интересны созданные им нравственно-психологические портреты таких исторических деятелей, как император Павел I (1907), жестокий временщик А.А. Аракчеев (1906) и архимандрит Фотий (Спасский) (1905). Юрьевский профессор стал постоянным автором одного из самых авторитетных в кругах интеллигенции журнала – «Вопросы философии и психологии», в котором было опубликовано несколько десятков его статей, рецензий и других материалов.

Уже в 1888 г., до переезда в Юрьев, Чиж начал читать обширный лекционный курс по судебной психопатологии на юридическом факультете Петербургского университета, – курс, который во многом стал откровением для будущих правоведов, дал им первоначальное представление о криминальной антропологии и психиатрии, введя их в круг идей и принципов формирующейся русской уголовно-антропологической школы. Вскоре, в 1890 г., эти лекции вышли отдельной книгой⁷. К данной тематике Чиж про-

разбор деятельности Чижа в юрьевский период. Но по отмеченной выше причине отсутствия документальной базы последние годы его жизни не были освещены и здесь.

⁶ Первая печатная работа Чижа появилась в 1880 г., еще во время его ординаторской службы в Кронштадте. Последняя, «Психология деревенской частушки», вышла в Юрьеве в 1915 г.

⁷ Чиж В.Ф. Лекции по судебной психопатологии. Санкт-Петербург : Изд-во Г.Ф. Пантелеева, 1890. 338 с.

должал обращаться и впоследствии, как посвящая ей специальные работы⁸, так и делая регулярные экскурсии в сферу криминологии в сочинениях самого различного содержания.

Первым почти за сто лет переизданием работ Чижа в нашей стране стали вышедшие одновременно два сборника, один из которых посвящен трем вышеназванным персонажам российской истории (Чиж 2001е), а второй, в основном, – русским литераторам-классикам (Чиж 2001а). В настоящее время большинство текстов этого выдающегося ученого, включая работы криминологического характера, доступно в цифровом формате и именно на них обычно ссылаются обращающиеся к Чижу авторы. Но проблема возвращения его в предметное поле отечественной культуры и актуализации его идей не решается простым воспроизведением его текстов согласно нормам современной орфографии. По-настоящему сделать Владимира Федоровича – как и любого мыслителя или ученого прошлых лет – соучастником теперешнего культурного и академического процесса реально только после появления его книг и статей в сопровождении основательного научного комментария, учитывающего новации, имевшие место за то время, которое отделяет нас от нашего героя. Очевидно, что такая важная, непростая и нелегкая продолжительная работа еще впереди.

2. Факторы, препятствующие становлению и развитию криминологической науки

Общий дух эпистемологического оптимизма, который характерен для научной мысли XIX в., не мог не передаться и Чижу. Через все его произведения проходит апология знания, и знания научного, прежде всего, которое призвано раскрыть главные причины проблем, отягощающих бытие человека, и разрешить эти проблемы. Знание – великая сила, повторяет он вслед за Бэконом и в духе большинства своих современников: знание «составляет непобедимое оружие в самых слабых руках, и обыкновенный человек, вооруженный этим непобедимым оружием, сильнее самого гениального, без оружия»⁹.

Конечно, знание – это уже ценность само по себе, но и не только, ибо оно дает возможность радикально улучшить качество человеческой жизни: «Знание уменьшает наши страдания двояким путем: во-первых, оно дает нам способы и средства уменьшить физические страдания, а во-вторых, развивая и укрепляя высшие духовные интересы, тем самым уменьшает значение в нашей жизни низших чувствований, а эти последние предполагают неизмеримо более страдания, чем наслаждения»¹⁰. Стремление приобрести

⁸ Чиж В.Ф. Преступный человек перед судом врачебной науки. Казань : Типолит. Императ. ун-та, 1894. 41 с.; Чиж В.Ф. Криминальная антропология. Одесса : Типогр. Исаковича, 1895. 52 с.; (Чиж 2001b).

⁹ Чиж В.Ф. Биологическое обоснование пессимизма. Казань : Типолит. Императ. ун-та. 1895. С. 4.

¹⁰ Там же. С. 112.

новое знание, раздвинуть границы уже известного есть для человечества, в конечном счете, форма обретения смысла бытия: «Мы можем надеяться только на знание; если бы человек не был способен к знанию, нам осталось бы одно холодное отчаяние, один ужас за будущее человечества... Они (будущие поколения. – В.В.) будут счастливее нас, потому что будут больше нас знать; единственная цель нашего существования – это увеличение и расширение знаний для отдаленного будущего»¹¹.

Криминал и все, что с ним связано, – это та сила, которая издревле была источником неисчислимых страданий не только для жертв преступников, но и для них самих. И хотя преступность как на официальном уровне, так и в массовом сознании всегда рассматривалась как девиация и отклонение от нормы, как то, с чем нужно вести непримиримую борьбу, специальной науки о ней до последнего времени не было¹². Не было и по той, в частности, причине, что были и остаются влиятельные интересанты, которым вообще невыгодно истинное знание, и Чиж не боится прямо указать, кто это такие. Это – «все деспоты и враги низших классов, т.е. почти всего человечества», это они «всегда и всюду были против распространения просвещения в народе; для этих самых зловредных преступников было и будет желательно пользоваться невежеством массы для ее эксплуатации»¹³. Но ныне, утверждает ученый, их могущество, наконец, сломлено, общество становится все более знающим и просвещенным, а значит способным одолеть те силы, перед которыми было ранее беспомощным и беззащитным.

Однако те люди, на которых непосредственно возложена миссия борьбы с криминалом, во многом еще руководствуются старыми, изжившими себя представлениями и не могут (а кто и сознательно, и упорно не хочет) усваивать новые знания и новые методы. Это им удобнее думать, что главная причина преступлений – «злая» или «преступная» воля конкретного преступника, и потому они презрительно отмахиваются от тех новых учений, которые убедительно доказывают, что корень зла – не в этой пресловутой воле, а во «всем существе преступника», «во всей его несовершенной, как физически, так и психически, организации»¹⁴. Напротив, настоящий ученый и даже просто здравомыслящий человек не может ограничиться примитивной констатацией наличия у некоего субъекта «злого умысла»,

¹¹ Там же. С. 115.

¹² Следует уточнить, что Чиж, не будучи профессиональным юристом, специально не касается такого серьезного вопроса, как условность и релятивность самих понятий «преступник» и «криминальный», их зависимость от культурного, политического и сугубо юридического контекста. Ведь даже убийство (самая, казалось бы, крайняя и очевидная форма криминального поведения) далеко не везде, не всегда и не всеми уголовными кодексами квалифицируется как наказуемое деяние, а кодексами моральными как нечто однозначно безнравственное (подробнее об этом см.: Корсаков 2014; Корсаков 2015). В свете широкого культурно-исторического подхода неизбежно потребовалась бы и семантическая конкретизация, например, понятий «врожденный убийца» и тем более «врожденный преступник».

¹³ Чиж В.Ф. Биологическое обоснование пессимизма. С. 112–113.

¹⁴ Чиж В.Ф. Криминальная антропология. С. 50.

а должен понять, что этот субъект, собственно, из себя представляет и чем объективно является. При этом, помимо прочего, как раз изучение мира преступности может служить той благодатной почвой, где будут налажены тесные контакты между науками естественными и общественными, которые все больше понимают, что между ними нет непроходимой пропасти и что только во взаимодействии друг с другом они преодолеют ограниченность и недостаточность собственных методов.

Именно об этом не устает говорить Чиж, начиная с того новаторского курса лекций по судебной психопатологии, который читался им для студентов-юристов. Он педантично разъясняет будущим правоведам, что мнение, будто юрист и без знания психиатрии может решать вопросы о чьей-либо вменяемости и правоспособности – это мнение ложное, чреватое судебными ошибками и лишшающее общество эффективных средств борьбы с уголовным миром. И если пока оно еще извинительно по причине молодости психиатрии как науки, то чем дальше, тем больше оно будет анахронизмом, превращаясь в деструктивный социальный фактор¹⁵. Так, единственный верный путь к правильному применению принципа невменяемости душевнобольных, выработанного наукой и признаваемого житейской мудростью – это «распространение знания психиатрии между юристами и, вообще, между образованными людьми, солидное образование психиатров, которые обязаны основательно знать психологию; чем более будет солидно подготовленных психиатров, чем более будет юристов, знакомых с основами психиатрии, тем менее будет затруднений при решении спора о невменяемости подсудимых, страдающих душевною болезнью, и вменяемости преступников с некоторыми болезненными признаками психической организации»¹⁶.

Есть и другие причины, мешающие становлению научной криминологии, уже не связанные напрямую с косностью и инертностью мышления многих представителей юридического сословия. Те взгляды, которые пока что доминируют в обществе, во многом способствуют подозрительному отношению к новой научной дисциплине и превратному представлению о ней в глазах широкой публики, и здесь Чиж прозрачно намекает на негативную роль церкви и религиозной идеологии вообще, продолжающей владеть умом среднего россиянина. Именно от церковных кругов, например, исходят безосновательные упреки криминальной антропологии

¹⁵ Выяснение особенностей психики, интеллекта и мировоззрения преступника – это не только теоретическая, но и сугубо практическая проблема, проблема качества работы правоохранительной системы, и Чиж убежден, что юристам давно уже пора вплотную этим заинтересоваться: «Изучение аномалии умственной организации преступника представляет самую интересную задачу, и меня только удивляет, – как мало сделано в этой области. Почти все, что сделано, сделано психиатрами (Despine, Lombroso, Marro) и я не сомневаюсь, что, когда юристы, вооруженные знанием психиатрии, займутся изучением умственной организации преступников, – наши сведения и по психологии, и по социологии обогатятся самыми важными открытиями» (*Чиж В.Ф. Лекции по судебной психопатологии. С. 122*).

¹⁶ *Чиж В.Ф. Лекции по судебной психопатологии. С. 192.*

в «материализме», которые в конкретных условиях царской России граничили с обвинениями в атеизме, аморализме и политической неблагонадежности. Но ученому есть что возразить на это: «Странно слышать упреки в матерьялизме учению, признающему неисправимых преступников; ведь величайший философ-идеалист Платон признавал неисправимых преступников и трактовал о мерах, которыми государство должно с ними бороться»¹⁷, да и другой «величайший идеалист», Шиллер, утверждал примерно то же, что ныне стремится доказать криминальная антропология. Эта молодая наука, уверен Чиж, ценна хотя бы тем, что, расширяя круг наших знаний, делает нас лучше и нравственнее¹⁸.

Чиж настойчиво доказывает своим студентам и читателям, насколько вредны претенциозные рассуждения о «вреде материалистических стремлений», «угасании стремлений» и о том, что, дескать, именно «общество, погрязшее в материализме, чуждое идеальным стремлениям, дает много душевнобольных»: «...все такие рассуждения свидетельствуют лишь о слабом образовании их авторов, о непонимании научной методики, так как, всегда и всюду, громадное большинство было чуждо идеалов, отдавалось всецело заботам о материальных благах; главное же, мы не имеем никаких точных данных, чтобы решать такие вопросы. Всегда и всюду идеалисты обличали своих современников в грубом материализме, что доказывает только то, что в одном и том же обществе уживаются различные взгляды, различные люди»¹⁹. С помощью такой демагогии обскуранты пытаются манипулировать сознанием простодушных людей, внушая им, что все новейшие научные теории призваны лишь сбить их с толку и заставить усомниться в том, что следует принимать только на веру и как непреложную данность.

В некоторых случаях Чиж в полемическом задоре иногда позволяет себе довольно провокационные суждения, которые ему самому ниже приходится дезавуировать. Опровергая доморощенных моралистов, твердящих, будто всякое духовное априорно выше и лучше любого материального, он в противовес им заявляет, например, что унижение отечества причиняет гражданину куда меньшее страдание, чем дурно сваренное блюдо, которое порой может быть опасно для жизни²⁰, и поддерживает мнение автора, полагающего, что «болезни печени причиняют людям больше страданий, чем все "мучения" совести»²¹. Как врач, который воочию наблюдал множество разнообразных людских мук, он берется утверждать, что моралисты, равно как и поэты, сильно преувеличивают значение моральных страданий: «...физические страдания неизмеримо сильнее, постоянное и, главное, составляют удел всего человечества; нравственные страдания могут быть при отсутствии физических... но громад-

¹⁷ Чиж В.Ф. Преступный человек перед судом врачебной науки. С. 39.

¹⁸ Чиж В.Ф. Криминальная антропология. С. 51.

¹⁹ Чиж В.Ф. Преступный человек перед судом врачебной науки. С. 214-215.

²⁰ Чиж В.Ф. Биологическое обоснование пессимизма. С. 104.

²¹ Там же. С. 105.

ное большинство страдает постоянно физически и потому нравственные страдания играют ничтожную роль»²².

Впрочем, в этой же работе Чиж, проясняя свою позицию, признает, что существуют все-таки истинные страдания и истинные добродетели, которые, однако, к сожалению, мы позабыли и не умеем ценить по достоинству, и виновна в том, в частности, современная литература – она портит наш вкус и приучает поклоняться «героям и героиням», заслуживающим лишь презрения и негодования: «Мы с волнением читаем описание микроскопических страданий развратных тунеядцев и не хотим понять великих страданий настоящих героев». К последним Чиж относит, в первую очередь, простых тружеников города и деревни, чья повседневная жизнь сопряжена с такими проблемами, которые были бы заведомо не по плечу многим образованным людям, лицемерно уверяющим себя и других, что именно они «работают для своего отечества» и «служат общему благу»²³.

Наконец, и сами ученые мужи зачастую оказываются не на высоте, руководствуясь в оценке социальных явлений расхожими и предвзятыми клише, заимствованными из обыденного сознания, и потому неспособны проникнуть в суть вещей: «...Все любят собственными, ни на чем не основанными суждениями заменять наблюдение действительности... Образованные люди говорят, да еще так уверенно, о том, чего они совсем не знают» (Чиж 2001d: 242). Или же, как эксперты на суде над Дмитрием Карамазовым, «дают решительно ни на чем не основанные заключения, выхватывают единичный факт... объясняют его каждый по-своему, нарушая таким образом основное правило психиатрии, что нужно рассматривать все явления в связи их между собой и только анализом целой суммы, сопоставлением их между собой можно приходить к какому-нибудь заключению» (Чиж 2001c: 379). Такой образ действий, правда, дает подобным псевдоученым возможность особо не утруждать себя размышлениями и чувствовать себя при этом спокойно и уверенно, зато, увы, лишает их высокопарные резюме объективности и заодно, безусловно, дискредитирует науку в глазах пусть и малообразованной, но не лишенной способности самостоятельно и критически мыслить публики.

Итак, хотя криминальная антропология находится пока в начале обретения своего предмета (разделяя здесь, Впрочем, трудности психологии, психиатрии и других дисциплин, с которыми она теснейшим образом связана), нет сомнений, что ни обществу в целом, ни уголовной юстиции в частности игнорировать ее уже нельзя. И чем скорее компетентные лица и органы осознают необходимость и ценность этой новой области знания, тем меньше издержек будут нести и общество, и государство, тем гуманнее, справедливее, рациональнее и, в конечном счете, успешнее будут они.

²² Там же. С. 76–77.

²³ Там же. С. 99–100.

3. Криминальная антропология: методы, достижения, проблемы

Само появление криминальной антропологии, уверен Чиж, есть следствие громадных успехов естествознания и усовершенствования методов научного исследования. Вполне логично, что успехи анатомии, физиологии и психологии должны были привести к выяснению антропологических характеристик различных отдельных категорий людей, в том числе – «к изучению строения, физиологических отправления и душевного склада преступников, как особой разновидности человечества»²⁴. Опора на точное положительное знание – систематизированное, детально фиксируемое, верифицируемое, измеряемое, проверяемое – сделала и здесь возможным выйти из области случайных наблюдений и гадательных предположений, сформировать надежную, эмпирически фундированную базу для теоретических обобщений и рационально планируемых действий.

Если вообще «больные – это лучший опыт, делаемый самою природою»²⁵, то и на отдельного преступника следует смотреть как на своеобразный эксперимент, который ставится природой, социумом и обстоятельствами – эксперимент, который позволяет проникнуть в причины, сущность и смысл того класса явлений, который данный уникальный случай собой представляет. С одной стороны, обращение к такому пласту информации позволяет избежать конфронтации между различными метафизическими конструкциями (типа извечного спора между материалистами, идеалистами и дуалистами), зафиксировать то, с чем будет считаться любой ученый независимо от его религиозной, идеологической и иной мировоззренческой идентификации. С другой стороны, напоминает Чиж, наука не может вообще игнорировать философию, ибо «только философское отношение к предмету может выяснить, – какие методы могут и должны быть избраны для изучения, только философское отношение может нам дать правильный общий взгляд на предмет»²⁶. В противном случае наука – хоть медицинская, хоть антропологическая, хоть юридическая – вырождается в плоский эмпиризм, в бездумное коллекционирование фактов, не освещенных единой плодотворной мыслью.

Признавая заслуги Чезаре Ломброзо, впервые серьезно обратившего внимание научного мира на качественную специфику «преступного типа», Чиж отмечает, что многие методы, предложенные итальянским ученым, обнаружили свою неэффективность и малодоказательность. Так, попытки описать врожденного преступника посредством антропометрических и морфологических характеристик (телосложение, аномалии черепа и лица, неправильное строение ушной раковины и др.) не дали

²⁴ Чиж В.Ф. Криминальная антропология. С. 3-4.

²⁵ Чиж В.Ф. Лекции по судебной психопатологии. С. 46.

²⁶ Там же. С. 38.

научно значимых результатов²⁷. «Генерический метод», делающий упор на внешние, биологические, родовые признаки интересующей нас категории людей, должен быть дополнен методом *индивидуального наблюдения*, разработанным в психиатрии и уже успевшим доказать там свою релевантность: необходимо «понять душу преступного человека»²⁸. Первым произведением, которое сознательно проникнуто такой установкой, Чиж считает появившиеся в начале 1860-х гг. «Записки из Мертвого дома» Достоевского. Но, разумеется, работа, начало которой положил великий писатель, должна быть продолжена учеными во всеоружии современных познавательных средств.

Одна из главных проблем, стоящих перед криминальной антропологией, это проблема *классификации преступников*. Очевидно, что далеко не всякого, совершившего криминальное деяние, следует рассматривать как закоренелого преступника. Среди тех, кто оказался в местах заключения, немало таких, кто попал сюда вследствие неблагоприятных обстоятельств (поддавшись, например, минутному соблазну или превысив необходимую оборону). От таких *случайных* преступников, которые еще сохранили в своем сознании определенные нравственные ценности, представления о добре и зле и потому способны вернуться к нормальной жизни, нужно принципиально отличать преступников *врожденных*, которые просто по природе своей неспособны соблюдать элементарные нормы человеческого общежития. Конечно, между «честным вором» типа героя, описанного Достоевским в одноименном рассказе (Чиж 2001b: 397–400) и «привычным», «неисправимым» преступником есть много переходных состояний²⁹. Но отрицать сам объективный факт различия между ними с научной точки зрения невозможно, и ломброзианцы, считает Чиж, вполне правы, признавая существование «преступного типа» – другое дело, что они ошибаются, когда наивно

²⁷ Сам Чиж, проводя в течение трех лет исследования асимметрии человеческих лиц, пришел к выводу, что полная симметрия лица встречается крайне редко, вследствие чего, по логике ломброзианцев, абсолютное большинство людей следовало бы отнести к психическим вырожденцам и представителям «преступного типа» (Чиж В.Ф. Лекции по судебной психопатологии. С. 209).

²⁸ Чиж В.Ф. Криминальная антропология. С. 50. Ср.: «Узнав, как изучается болезнь, и таким же образом изучив преступление, т.е. исследуя преступного человека как врач, имеющий дело с болезнью, изучая больного человека, – юрист получает новое, крайне плодотворное орудие для своих исследований, расширяет свое понимание; бесспорно, что для юриста, знакомого с патологией души, многое в его деятельности будет освещено гораздо ярче, светлее, чем для не изучавшего этой области. Понимать преступление, не зная патологии души, едва ли возможно...» (Чиж В.Ф. Лекции по судебной психопатологии. С. 23).

²⁹ «...Природа неисчерпаема; напрасно люди создают классификации, схемы, пытаются подвести отдельные явления под общие рубрики; все эти усилия зачастую оказываются бесплодными. Природа создает новые комбинации отдельных явлений в самой прихотливой, малопонятной нам связи симптомов между собой, и человеку поневоле приходится сознаться, что составленная им схема только с натяжкой может быть приноровлена к данному случаю. Конечно, разумный исследователь не обвинит в таком случае ни природы, ни науки, а только постарается освятить для себя наукой новый факт и сознается, что многое для него непонятно» (Чиж 2001c: 333).

надеются, что можно «вычислить» его на основании некоторых внешних эмпирических данных.

Владимиру Федоровичу, как и Дмитрию Дрилю³⁰, приходится разъяснять критикам, обвиняющим их в биологизаторстве, что есть для преступления разные причины. Это могут быть и «дурное воспитание», «и социальные условия вообще, способствующие преступности»³¹. Нищета, непосильная работа, жизнь в тесном, темном и сыром помещении, антигигиена, работа с вредными веществами типа ртути или свинца³² и многое другое – все это может вести к деформациям психики и расшатыванию нравственно-психологических устоев даже у индивидов со здоровой природной конституцией. Отрицать это бессмысленно, и Чиж этого не делает. Однако он уверен: закрывать глаза на то, что изначально имеется определенный, пусть и небольшой, процент людей, которым на роду написано стать злодеем и убийцей, тоже нельзя³³.

Общество имеет право и даже обязанность реагировать на поведение любого из своих членов, но, разумеется, реакция эта должна быть целесообразной и адекватной: «Врожденный преступник, как учат представители криминальной антропологии, не может не делать преступлений, потому что не обладает высшими чувствованиями, неспособен к труду, одним словом – резко отличается от честных людей; как те, так и другие несут ответственность за свои поступки – как одни должны быть исключены из общества, так другие – пользоваться всеми преимуществами жизни среди людей»³⁴. И хотя такая позиция может вызвать у иного блюстителя нравственности протест как слишком жестокая или, как минимум, негуманная, Чиж убежден, что она единственно правильная. Он не ратует, как иные западные криминологи, за превентивное лишение жизни или кастрацию таких субъектов, но то, что они должны быть поставлены в совершенно иные условия и лишены тех прав и свобод, которыми пользуются законопослушные граждане, для него совершенно ясно. И даже условия содержания их в местах заключения должны адаптироваться применительно к их персональным особенностям.

Еще одна проблема, которая четко обозначена криминальной антропологией – это однозначно обнаруживаемая статистикой корреляция между психическими отклонениями и криминальным поведением. Чиж не упрощает вопрос и не ставит знак равенства между душевнобольным и преступником, однако настаивает на том, что сам факт повышенного удельного

³⁰ См.: (Васечко 2024: 172-173).

³¹ Чиж В.Ф. Криминальная антропология. С. 17.

³² Чиж В.Ф. Преступный человек перед судом врачебной науки. С. 23.

³³ «Здравый смысл народа вполне верно формулировал закон наследственности по отношению к унаследованию порочных свойств родителей: “на яблоне груши не родятся”» (Чиж В.Ф. Криминальная антропология. С. 21). Часто повторяет Чиж и другую, совершенно верную, по его мнению, народную мудрость: «Каков в колыбельке, таков и в могилке».

³⁴ Чиж В.Ф. Лекции по судебной психопатологии. С. 165.

веса психопатов среди правонарушителей должен быть не только признан, но и правильно интерпретирован³⁵.

В качестве неоспоримого признака, который позволяет занести две эти группы людей в одну категорию, у Чижа выступает «вырождение» («дегенерация»), – феномен, внимание к которому уже несколько десятилетий было привлечено благодаря работам французского психиатра Бенедикта Мореля³⁶. И криминальное, и ментальное вырождение – следствие, в принципе, одних и тех же причин, только по-разному себя проявляющее: «Вырождающихся много, очень много; мы даже приблизительно не знаем, какой процент населения они составляют. Одни из них или потому, что одарены более психопатической организацией, или вследствие неблагоприятных жизненных условий заболевают душевными болезнями, другие совершают преступления; некоторые вследствие благоприятных для здоровья условий мирно живут на чужой счет» (Чиж 2001d: 228). Причем даже когда налицо такой, кажется, небологический фактор, как воспитание ребенка явно испорченными родителями, которые по определению не могут дать ему хорошего примера, чаще всего при ближайшем рассмотрении оказывается, что корень зла – в том, что сейчас называется «генотипом»: «...только человек с несовершенным от чисто биологических причин мозгом и потому глупый, с недоразвитой волей, лишенный сострадания, может избрать себе деятельность, ведущую его в тюрьмы и на эшафот»³⁷. Так что значение воспитательного фактора не следует переоценивать, и во многих случаях даже самый лучший педагог не сможет ничего поделать с изначально порочными задатками индивида.

Тем, кто полагает, что сами условия тюремной жизни делают из нормальных людей психопатов, Чиж отвечает, ссылаясь на опыт своих коллег и на свой личный в том числе. Хотя среда, в которой обитают арестанты, и не располагает к здоровой психической жизни, не следует именно

³⁵ Среди статистических данных, приводимых нашим профессором, указывается и такой: «Что до настоящего времени немало душевнобольных приговариваются судами к наказаниям, – лучше всего доказывается тем бесспорным фактом, что среди арестантов душевнобольных в десять раз больше, чем между честными людьми, а именно на 1000 жителей приходится 3 душевнобольных, а между арестантами душевнобольных 3%» (Чиж В.Ф. Лекции по судебной психопатологии. С. 14). На высокий процент душевнобольных среди сахалинских каторжников обращали внимание и современники Чижа – Антон Чехов в «Острове Сахалине» (Чехов А.П. Остров Сахалин // Чехов А.П. Собрание сочинений : в 12 т. Москва : Гослитиздат, 1963. Т. 10. С. 119–121, 387–388), и Влас Дорошевич, посвятивший им в своих очерках отдельную главу (Дорошевич 2022: 627–638). Последний свои яркие описания душевнобольных преступников резюмировал так: «Если эти строки подскажут читателю мысль, что врачу должно быть больше отведено места на суде, я буду считать свою задачу исполненной» (Дорошевич 2022: 638).

³⁶ Первая работа Мореля на эту тему – «Лечение дегенераций» – появилась в 1857 г. В современном научном нарративе термин «вырождение» малопопулярен, и для описания соответствующих явлений используются близкие по смыслу и более толерантные «аномалия» и «девиация».

³⁷ Чиж В.Ф. Преступный человек перед судом врачебной науки. С. 25.

тюрьме приписывать столь большое среди них число душевных заболеваний: «Каждый тюремный врач может подтвердить, что между поступающими в тюрьму немало лиц с неправильной психической организацией, в высшей степени предрасположенных к заболеванию психозами и, наконец, просто больных, что вполне и объясняет, – почему так много душевнобольных среди арестантов»³⁸. Сам тот человеческий материал, который поступает в тюрьму, уже страдает органическими поражениями, и, следовательно, работа правоохранительной системы должна быть скорректирована таким образом, чтобы психически неполноценные девианты попадали не в обычные тюрьмы и не на каторгу, а в исправительные заведения совсем иного рода.

Наконец, серьезное исследование этиологии душевных болезней свидетельствует, что уже те привычки и традиции, которые характерны для людей, постоянно находящихся в криминогенной среде, выступают деструктивным фактором для психического здоровья их детей: «...преступный образ жизни сам по себе располагает к заболеванию психозами нисходящее поколение» (Чиж: 2001с: 292). Бессонные ночи, пьянство, половые излишества, равно как и «нравственно угнетающие моменты» типа смены сильных страстей, страха, а, возможно, и угрызений совести образуют тот фон, тот негативный комплекс, который действует как фактор риска, почти с неотвратимостью запускающий механизм развертывания психопатического характера³⁹.

Заключение

За те сто с лишним лет, что отделяют нас от времени активной научной деятельности Владимира Федоровича Чиж, многое изменилось и в психиатрии, и в криминологии, и в работе уголовной юстиции, да и в повседневной человеческой жизни. На многих идеях юрьевского профессора, как и вообще на принципах отечественной уголовно-антропологической школы, лежит отпечаток того времени, когда она переживала свой расцвет. Поэтому судить об объективном содержании и научной ценности выдвигавшихся и развивавшихся ею принципов следует сегодня достаточно критично и взвешенно.

Тем не менее глубокий историографический анализ работ представителей этого направления показывает, что весьма многое из того, что вошло в традиции и нормы современной цивилизации, восходит к тем временам. Перестройка системы психиатрического лечения, учреждение специальных заведений для алкоголиков, наркоманов и душевнобольных преступников, для детей с отягощенной наследственностью, постоянное совершенствование психиатрической экспертизы с учетом новейших достижений меди-

³⁸ Чиж В.Ф. Лекции по судебной психопатологии. С. 221.

³⁹ К этому еще добавляется «предрасполагающее к помешательству влияние патологических характеров; так у некоторых сумасбродных голов, чудаков, нередко дети страдают нервными и душевными болезнями» (Чиж 2001с: 292). Чиж наглядно иллюстрирует этот тезис, разбирая особенности мышления и поведения различных героев романа «Братья Карамазовы».

цинской науки, гуманизация пенитенциарной системы – обо всем этом говорилось и писалось уже профессором Чижом и его единомышленниками.

Поэтому изучение теоретического наследия русской школы криминальной антропологии – это не только дань заслугам ее представителей, но и способ внимательнее взглянуть в наше сегодняшнее бытие, увидеть, откуда произрастают наши проблемы, и определить наилучшие методы их решения. И в этом смысле профессор Чиж остается нашим современником, указывающим на то, что мы еще пока недостаточно осознали, и напоминающим о том, что мы, возможно, уже успели подзабыть.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абрамова Л.И. 2015. Чиж Владимир Федорович (к 160-летию со дня рождения) // Психиатрия. № 2 (66). С. 59–61.

Артемьева Т.И. 2016. Частушка как источник изучения образа жизни и психологии деревенской молодежи в дореволюционной России // Историогенез и современное состояние российского менталитета / отв. ред. А.Л. Журавлев [и др.]. Москва : Ин-т психологии РАН. С. 38–47.

Белякова Е.Н. 2016. Роман Ф.М. Достоевского «Идиот» в литературно-критической, научной и философской мысли России (1868–1917). Кострома : Изд-во Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 351 с.

Бобылев Е.Л. 2017. Проблема гениальности в отечественной психологической науке конца XIX – начала XX веков // Приволжский научный вестник. № 3 (67). С. 71–73.

Бобылев Е.Л. 2021. Ф.М. Достоевский как психопатолог // Православие и русская литература : сб. ст. участников VII Всерос. науч.-практ. конф. 27–28 мая 2021 г. / отв. ред. С.Н. Пяткин. Арзамас : Арзамас. фил. Нижегород. гос. ун-та. С. 72–77.

Бобылев Е.Л. 2022. И.С. Тургенев как психопатолог // Карповские чтения : сб. ст. участников X Всерос. науч.-практ. конф. «Проблемы региональной фольклористики и исторического краеведения» (X Карповские чтения), 20–21 окт. 2022 г. / отв. ред. Ю.А. Курдин. Арзамас : Арзамас. фил. Нижегород. гос. ун-та. С. 164–170.

Борисов П.М. 2010. Вербальная характеристика концепта деструктивной личности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 2. С. 78–92.

Васечко В.Ю. 2024. Идейное наследие Д.А. Дриля: становление русской уголовно-антропологической школы // Антиномии. Т. 24, № 2. С. 161–185. DOI 10.17506/26867206_2024_24_2_161

Горячева Т.С. 2020. Евгенические идеи в уголовной антропологии России в конце XIX – начале XX века // Вестник Саратовской государственной юридической академии. № 1(132). С. 30–36. DOI 10/24411/2227-7315-2020-1003

Гуревич С.А. 1982. Выдающийся психиатр В.Ф. Чиж в Прибалтике // Тартуский государственный университет: История развития, подготовка кадров, научные исследования / отв. ред. В.В. Калинин. Тарту : Тарт. гос. ун-т. Т. 3: Медицина, биология, физическая культура. С. 88–97.

Демин М.Р. 2012. Писатель как философ. Философская рефлексия над русской литературой в конце 19 – начале 20 вв. // Die Welt der Slaven. Т. 57, № 1. С. 59–78.

Дорошевич В.М. 2022. Сахалин. Каторга. Москва : Захаров. 656 с.

Журавель В.А. 2011. Владимир Федорович Чиж как психолог (1855–1922): Малоизвестные страницы жизни и научного творчества (к 150-летию со дня рождения) //

Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. № 2. С. 68–77.

Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. 2017. Отечественная экспериментальная психология: история формирования, особенности развития, место в профессиональной подготовке специалиста // Научное обеспечение психолого-педагогической и социальной работы в уголовно-исполнительной системе : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию со дня образования психолог. службы уголовно-исполнит. системы / под общ. ред. Д.В. Сочивко. Рязань : Изд-во Акад. права и управления ФСИН. С. 9–16.

Корсаков К.В. 2014. Парадигмальный фон дискурса об абсолютном и утилитарном в уголовном наказании // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Т. 14, вып. 1. С. 119–132.

Корсаков К.В. 2015. Религиозный подход к преступлению и наказанию: от принципа талиона и кровной мести к доктрине покаяния // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Т. 15, вып. 3. С. 147–159.

Кравченко В.В. 1997. Мистицизм в русской философской мысли XIX – начала XX веков. Москва : Издатцентр. 280 с.

Круглянский В.Ф. 1979. Психиатрия: История, проблемы перспективы. Минск : Вышэйшая шк. 208 с.

Курносова М.Г. 2011. Становление патопсихологии в России в конце XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. психолог. наук. Москва. 24 с.

Кушнир С.И. 2022. К вопросу об истории пенитенциарной психологии в Европе // Современные исследования в гуманитарных и естественнонаучных отраслях : сб. науч. ст. / науч. ред. С.П. Акутина. Москва : Перо. Ч. 9. С. 15–19.

Логинова И.А. 2021. Достоевский как криминолог // Эволюция российского права : материалы XIX Междунар. науч. конф. молодых ученых и студентов, 29–30 апр. 2021 г. Екатеринбург : Урал. гос. юрид. ун-т. С. 1516–1522.

Мазиллов В.А. 2019. В.Ф. Чиж как историк психологии // Развитие российской психологии накануне и после русской революции 1917 года: тенденции, научные школы, персоналии : сб. ст. участников Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. А.Л. Журавлев и др. Арзамас : Интерконтакт. С. 366–377.

Михельсон О. 2018. Из истории российского религиозоведения: у истоков научной психологии религии в России (конец XIX – начало XX в.) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. Т. 36, № 1. С. 145–170. DOI 10.22394/2073-7203-2018-36-1-145-170

Пятницкий Н.Ю. 2023. Эволюция отечественной психиатрии: от первого (1887 г., Москва) до второго (1905 г., Киев) съезда психиатров // Психиатрия и психофармакотерапия. Т. 25, № 3. С. 36–44.

Розин В.М. 2019. Психическое расстройство или социокультурный раскол личности (размышление о судьбе Гоголя) // Вопросы культурологии. № 8. С. 10–23.

Санксаев Е.А. 2022. Влияние криминологии на развитие иных юридических наук криминального цикла // Вектор развития криминологии в XXI веке : материалы Всерос. науч.-практ. конф., приуроч. к 30-летию Рос. криминолог. ассоциации / под ред. В.В. Меркурьева [и др.]. Владимир : Владимир. гос. ун-т. С. 142–147.

Сироткина И. 2008. Классики и психиатры: Психиатрия в российской культуре конца XIX – начала XX века. Москва : Новое лит. обозрение. 272 с.

Слабинский В.Ю. 2015. Владимир Федорович Чиж и Зигмунд Фрейд: сходжение биографий и различие судеб // Медицинская психология в России : электрон. науч. журн. № 3 (32). С. 1–30. URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 26.09.2024).

Холондович Е.Н. 2012. Личность гения (исследование, выполненное на примере изучения жизненного пути и творчества Ф.М. Достоевского) // Современная

личность: Психологические исследования / отв. ред. М.И. Воловикова, Н.Е. Харламенкова. Москва : Ин-т психологии РАН. С. 118–140.

Чиж В.Ф. 2001a. Болезнь Н.В. Гоголя: Записки психиатра. Москва : Республика. 512 с.

Чиж В.Ф. 2001b. Достоевский как криминолог // Чиж В.Ф. Болезнь Гоголя: Записки психиатра. Москва : Республика. С. 384–418.

Чиж В.Ф. 2001с. Достоевский как психопатолог // Чиж В.Ф. Болезнь Гоголя: Записки психиатра. Москва : Республика. С. 287–384.

Чиж В.Ф. 2001d. И.С. Тургенев как психопатолог // Чиж В.Ф. Болезнь Гоголя: Записки психиатра. Москва : Республика. С. 204–286.

Чиж В.Ф. 2001е. Психология злодея, властелина, фанатика: Записки психиатра. Москва : Республика. 416 с.

Чингаева А.С. 2016. Профессор В.Ф. Чиж и его криминальная антропология // Инновационные технологии в кооперативном образовательном процессе : материалы Междунар. заоч. студенческой науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию Саран. кооператив. ин-та (ф-ла) Рос. ун-та кооперации / редкол.: Б.Ф. Кевбрин (отв. ред.) и др. Саранск. С. 227–230.

References

Abramova L.I. *Chizh Vladimir Fedorovich (k 160-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Vladimir Fedorovich Chizh (on the 160th anniversary of his birth)], *Psychiatry (Moscow)*, 2015, no. 2, pp. 59–61. (in Russ.).

Artemieva T.I. *Chastushka kak istochnik izucheniya obraza zhizni i psikhologii derevenskoy molodezhi v dorevolutsionnoy Rossii* [Chastushka as a source of studying the lifestyle and psychology of rural youth in pre-revolutionary Russia], *Zhuravlev A.L. et al. (Eds.), Istoriogenez i sovremennoe sostoyanie rossiyskogo mentaliteta*, Moscow, Institut psikhologii RAN, 2016, pp. 38–47. (in Russ.).

Belyakova E.N. *Roman F.M. Dostoevskogo «Idiot» v literaturno-kriticheskoy, nauchnoy i filosofskoy mysli Rossii (1868–1917)* [F.M. Dostoevsky's novel "The Idiot" in Literary-critical, Scientific and Philosophical Thought of Russia (1868–1917)], *Kostroma, Izdatel'stvo Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*, 2016, 351 p. (in Russ.).

Bobylev E.L. *F.M. Dostoevskiy kak psikhopatolog* [F.M. Dostoevsky as a Psychopathologist], *Pyatkin S.N. (Resp. ed.), Pravoslavie i russkaya literatura : sb. st. uchastnikov VII Vseros. nauch.-prakt. konf. 27–28 maya 2021 g.*, Arzamas, Arzamasskiy filial Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2021, pp. 72–77. (in Russ.).

Bobylev E.L. *I.S. Turgenev kak psikhopatolog* [I.S. Turgenev as a Psychopathologist], *Kuridin Yu.A. (Resp. ed.), Karpovskie chteniya : sb. st. uchastnikov X Vseros. nauch.-prakt. konf. «Problemy regional'noy fol'kloristiki i istoricheskogo kraevedeniya» (X Karpovskie chteniya), 20–21 okt. 2022 g.*, Arzamas, Arzamasskiy filial Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2022, pp. 164–170. (in Russ.).

Bobylev E.L. *Problema genial'nosti v otechestvennoy psikhologicheskoy nauke kontsa XIX – nachala XX vekov* [The Problem of Genius in the Domestic Psychological Science Late XIX – Early XX Centuries], *Privolzhskiy nauchnyy vestnik*, 2017, no. 3(67), pp. 71–73. (in Russ.).

Borisov P.M. *Verbal'naya kharakteristika kontsepta destruktivnoy lichnosti* [Verbal Characteristics of the Destructive Personality Concept], *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2010, no. 2, pp. 78–92. (in Russ.).

Chingaeва A.S. *Professor V.F. Chizh i ego kriminal'naya antropologiya* [Professor V.F. Chizh and His Criminal Anthropology], *Kevbrin B.F. (Resp. ed.), Innovatsionnye tekhnologii v kooperativnom obrazovatel'nom protsesse : materialy Mezhdunar. zaoch. studencheskoy nauch.-prakt. konf., posvyashch. 40-letiyu Saran. kooperativ. in-ta (f-la) Ros. un-ta kooperatsii*, Saransk, 2016, pp. 227–230. (in Russ.).

Chizh V.F. *Bolezn' N.V. Gogolya: Zapiski psikhiatra* [N.V. Gogol's Illness: Notes of a Psychiatrist], Moscow, Respublika, 2001, 512 p. (in Russ.).

Chizh V.F. *Dostoevskiy kak kriminolog* [Dostoevsky as a Criminologist], Chizh V.F. *Bolezn' Gogolya: Zapiski psikhiatra*, Moscow, Respublika, 2001, pp. 384–418. (in Russ.).

Chizh V.F. *Dostoevskiy kak psikhopatolog* [F.M. Dostoevsky as a Psychopathologist], Chizh V.F. *Bolezn' Gogolya: Zapiski psikhiatra*, Moscow, Respublika, 2001, pp. 287–384. (in Russ.).

Chizh V.F. *I.S. Turgenev kak psikhopatolog* [I.S. Turgenev as a Psychopathologist], Chizh V.F. *Bolezn' Gogolya: Zapiski psikhiatra*, Moscow, Respublika, 2001, pp. 204–286. (in Russ.).

Chizh V.F. *Psikhologiya zlodeya, vlastelina, fanatika: Zapiski psikhiatra* [Psychology of the Villain, the Lord, the Fanatic: Notes of a Psychi], Moscow, Respublika, 2001, 416 p. (in Russ.).

Demin M.R. *Pisatel' kak filosof. Filosofskaya refleksiya nad russkoy literaturoy v kontse 19 – nachale 20 vv.* [A writer as a philosopher. Philosophical reflection on Russian literature in the late 19th and early 20th centuries], *Die Welt der Slaven*, 2012, vol. 57, no. 1, pp. 59–78. (in Russ.).

Doroshevich V.M. *Sakhalin. Katorga* [Sakhalin. Penal Servitude], Moscow, Zakharov, 2022, 656 p. (in Russ.).

Goryacheva T.S. Eugenic Ideas in Criminal Anthropology of Russia in the Late XIX – Early XX Century, *Saratov State Law Academy Bulletin*, 2020, no. 1(132), pp. 30–36. <https://doi.org/10/24411/2227-7315-2020-1003> (in Russ.).

Gurevich S.A. *Vydayushchiysya psikhiatr V.F. Chizh v Pribaltike* [Outstanding Psychiatrist V.F. Chizh in the Baltic States], Kalinin V.V. (Resp. ed.), *Tartuskiy gosudarstvennyy universitet: Istoriya razvitiya, podgotovka kadrov, nauchnye issledovaniya*, Tartu, Tartuskiy gosudarstvennyy universitet, vol. 3, 1982, pp. 88–97. (in Russ.).

Kholondovich E.N. The Personality of a Genius (A Study Based on the Example of Studying the Life and Work of F.M. Dostoevsky), Volovikova M.I., Kharlamenkova N.E. (Resp. eds.), *Sovremennaya lichnost': Psikhologicheskie issledovaniya*, Moscow, Institut psikhologii RAN, 2012, pp. 118–140. (in Russ.).

Koltsova V.A., Oleynik Yu.N. *Otechestvennaya eksperimental'naya psikhologiya: istoriya formirovaniya, osobennosti razvitiya, mesto v professional'noy podgotovke spetsialista* [Russian Experimental Psychology: The History of its Formation, the Peculiarities of its Development, and its Place in the Professional Training of a Specialist], Sochivko D.V. (Ed.), *Nauchnoe obespechenie psikhologo-pedagogicheskoy i sotsial'noy raboty v ugovno-ispolnitel'noy sisteme : sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 25-letiyu so dnya obrazovaniya psikholog. sluzhby ugovno-ispolnit. sistemy*, Ryazan, Izdatel'stvo Akademii prava i upravleniya FSIN, 2017, pp. 9–16. (in Russ.).

Korsakov K.V. Paradigm Background of Discourse on Absolute and Utilitarian in Criminal Penalty, *Research Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2014, vol. 14, iss. 1, pp. 119–132. (in Russ.).

Korsakov K.V. Religious Approach Towards Crime and Punishment: From the Principle of Talion and Blood Feud to Doctrine of Repentance, *Research Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2015, vol. 15, iss. 3, pp. 147–159. (in Russ.).

Kravchenko V.V. *Mistitsizm v russkoy filosofskoy mysli XIX – nachala XX vekov* [Mysticism in Russian Philosophical Thought of the 19th – early 20th Centuries], Moscow, Izdatsentr, 1997, 280 p. (in Russ.).

Kruglyanskiy V.F. *Psikhiatriya: Istoriya, problemy perspektivy* [Psychiatry: History, Problems and Prospects], Minsk, Vysheyschaya shkola, 1979, 208 p. (in Russ.).

Kurnosova M.G. *Stanovlenie patopsikologii v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. : avtoref. dis. ... kand. psikholog. nauk* [The Formation of Pathopsychology in Russia in the Late 19th and Early 20th Centuries: Abstr. of diss.], Moscow, 2011, 24 p. (in Russ.).

Kushnir S.I. *K voprosu ob istorii penitentsiarnoy psikhologii v Evrope* [On the History of Penitentiary Psychology in Europe], *Akutina S.P. (Ed.), Sovremennye issledovaniya v gumanitarnykh i estestvennonauchnykh otraslyakh : sb. nauch. st.*, Moscow, Pero, 2022, pt. 9, pp. 15–19. (in Russ.).

Loginova I.A. *Dostoevskiy kak kriminolog* [Dostoevsky as a Criminologist], *Evolutsiya rossiyskogo prava : materialy XIX Mezhdunar. nauch. konf. molodykh uchenykh i studentov*, 29–30 apr. 2021 g., Ekaterinburg, Ural'skiy gosudarstvennyy yuridicheskiy universitet, 2021, pp. 1516–1522. (in Russ.).

Mazilov V.A. V.F. *Chizh kak istorik psikhologii* [V.F. Chizh as a Historian of Psychology], *Zhuravlev A.L. et al. (Resp. ed.), Razvitie rossiyskoy psikhologii nakanune i posle russkoy revolyutsii 1917 goda: tendentsii, nauchnye shkoly, personalii : sb. st. uchastnikov Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*, Arzamas, Interkontakt, 2019, pp. 366–377. (in Russ.).

Mikhelson O. From the History of Russian Religious Studies: the Origins of the Scientific Psychology of Religion in Russia (Late 19th to Early 20th Centuries), *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 2018, vol. 36, no. 1, pp. 145–170. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-1-145-170> (in Russ.).

Pyatnitskiy N.Yu. The Evolution of Russian Psychiatry: From the First (1887, Moscow) to the Second (1905, Kyiv) Congress of Psychiatrists, *Psychiatry and Psychopharmacotherapy*, 2023, vol. 25, no. 3, pp. 36–44. (in Russ.).

Rozin V.M. Mental Disorder or Sociocultural Personality Split (Refection on the Fate of Gogol), *Issues of Cultural Studies*, 2019, no. 8, pp. 10–23. (in Russ.).

Sanksaev E.A. *Vliyaniye kriminologii na razvitie inyykh yuridicheskikh nauk kriminal'nogo tsikla* [The Influence of Criminology on the Development of Other Legal Sciences of the Criminal Cycle], *Merkuriev V.V. et al. (Eds.), Vektor razvitiya kriminologii v XXI veke : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., priuroch. k 30-letiyu Ros. kriminolog. assotsiatsii*, Vladimir, Vladimirskiy gosudarstvennyy universitet, 2022, pp. 142–147. (in Russ.).

Sirotkina I. *Klassiki i psikiatry: Psikiatriya v rossiyskoy kul'ture kontsa XIX – nachala XX veka* [Classics and Psychiatrists: Psychiatry in Russian Culture of the Late 19th – Early 20th Century], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2008, 272 p. (in Russ.).

Slabinskii V.Yu. Vladimir Chizh and Sigmund Freud: Similarity of Biographies and Dissemblance of Fates, *Medical Psychology in Russia*, 2015, no. 3(32), pp. 1–30, available at: <http://mprij.ru> (accessed September 26, 2024). (in Russ.).

Vasechko V.Yu. The Ideological Legacy of Dmitry Dril: The Formation of the Russian Anthropological School of Criminal Law, *Antinomies*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 161–185. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_2_161 (in Russ.).

Zhuravel V.A. Vladimir Fedorovich Tchizh as Psychologist (1855–1922): Unknown Pages of Biography and Scientific Activity (To 150 years Anniversary), *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2011, no. 2, pp. 68–77. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вячеслав Юрьевич Васечко

доктор философских наук, доцент, научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук;
г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0002-1808-4404;
ResearcherID: K-2505-2018;
SPIN-код: 3610-5534;
E-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vyacheslav Yu. Vasechko

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0002-1808-4404;
ResearcherID: K-2505-2018;
SPIN-code: 3610-5534;
E-mail: vyacheslavpetro@yandex.ru